

Борис МИЛОВЗОРОВ

Я – ГЕРОЙ

Он висел в углу под потолком и недоумённо смотрел сквозь свои полупрозрачные руки на люминесцентный светильник. Яркий свет слепил, заставлял отвернуться, взгляд скользнул вниз вдоль белых стен, наткнулся на кровать, на которой лежал человек с туго забинтованной головой, с маской на лице и трубкой во рту. «Кто это? — лениво шевельнулся внутри него вопрос и тут же, как продолжение: — А я кто?»

В памяти всплыла вспышка, пламя, клубы секущего песка и ядовитые укусы осколков по телу и в голову. «Мина! — озарило его, — меня ранило в Сирии, я Андрей Калегов, майор спецназа и мой позывной Колдун!» Это воспоминание отпечаталось в нём и зависло, мысли почти остановились. До Андрея медленно доходило, что лицо человека внизу ему хорошо известно — это его собственное лицо. «Неужели всё так плохо?» — равнодушно шевельнулось внутри него.

Скрипнула дверь, в палату вошёл человек в белом халате, следом мужчина и женщина. Их лица невыносимо знакомы, но невозможно никак вспомнить, сознание вязкое, мысли тонут в нём, как в бездонном болоте.

Люди внизу разговаривали негромко, но Андрей отчётливо слышал каждое слово.

— Доктор, что с ним? — спросил мужчина.

— Если честно, плохо, — врач нагнулся над тихо плачущим прибором. — Осколки мины в ногах не фатальны, а вот осколок из головы извлечь невозможно.

— Но почему? — всхлинула женщина.

— Близко к мозгу.

Андрей узнал голос женщины и её лицо. Это его жена Юлия. Но почему он так холодно и отстранённо думает о ней? Он не успел обдумать ответ на свой вопрос, потому что вспомнил второго посетителя, это Саша, его давний друг.

Калегов устал, хотелось уснуть, забыться, но разговор шёл о нём, надо было дослушать.

— Он придёт в себя, доктор? — спросил Саша.

— Не хочу вам врать, вряд ли.

— То есть Андрей умирает?

Доктор промолчал, лишь неопределённо пожал плечами.

— Сколько ему осталось? — едва слышно спросила Юлия.

— Этого никто не знает, может, день, а может, месяц. Сегодня десятый день, как ваш муж у нас в реанимации, его организм жив, но у него прогрессирует отёк мозга, развивается пневмония. Мы боремся...

— Неужели ничего нельзя сделать? — едва сдерживая рыдания, перебила его женщина.

— Пока только ждать.

— Чего ждать?! — крикнула жена.

— Например, чуда, — доктор положил руку на её плечо. — Крепитесь, Юлия, я ведь не просто так допустил вас в реанимацию.

Женщина всхлинула и, закрыв лицо ладонями, выбежала из палаты. Доктор взглянул на мужчину.

— Вы кем больному приходитеесь?

— Близкий друг.

— Понятно. Прощайтесь.

Мужчина склонился над раненым и осторожно пожал его безвольную ладонь. Андрей из своего угла под потолком вдруг ясно ощутил это прикосновение, он поднял свою полупрозрачную руку, пошевелил пальцами. Мужчина замер, ему почудилось ответное движение. Он наклонился ещё ниже, приблизил губы к уху друга.

— Андрей, — отчётливо услышал Калегов, — я не хочу прощаться, сегодня все твои друзья будут молиться о твоём здравии.

— Молиться? — удивился доктор. — И много у него друзей?

— Много. Мы все договорились, что с сегодняшнего дня неделю будем заходить в храм и молиться за него. Даже на Афоне нашу молитву поддержат.

— Надо же? — покачал головой врач. — Что ж, и я в часовню зайду, свечку поставлю.

— Спасибо. Слышишь, Андрей? Это я, Саша Гуреев, вернись, ты же всегда был героем.

Калегова неудержимо потянуло вниз, окружающий свет померк, и пришёл покой. Среди пустой темноты возникали крохотные светлые точки, они парили то мелкими звёздочками, то размытыми белыми пятнами. Андрей удивлённо всматривался в них, пока одно из них не поманило его.

Андрей прикрыл входную дверь и крадучись двинулся по скрипучим половицам. В спальне предательски заголосила маленькая сестричка, из кухни вышла мама.

— Опять синяк?!

— Я Мыша защищал.

— Это мелкого такого?

— Олег мне друг! — упрямо мотнул головой сын.

— Ладно, герой, иди обедать. Стой, а руки мыть!

Калегов вновь провалился в темноту и потянулся к другому ближайшему светлему пятнышку.

Повзрослевшие Андрей и Олег на предпоследней парте с интересом смотрели на подтанцованного тренера в ярком спортивном костюме. Классная только что объявила, что это Кокорин Николай Алексеевич, новый тренер по боксу городской детско-юношеской спортивной школы. Дети затихли, изучая человека, он тоже с интересом во взгляде и доброй улыбкой рассматривал класс.

— Дети, бокс — спорт в основном мужской, поэтому, извините, девочки, я обращаюсь к мальчикам, — тренер сделал шаг вперёд. — Ну, что, хулиганы и двоечники, кто желает махать кулаками по правилам? Хорошисты и отличники тоже приветствуются.

Андрей и Олег переглянулись и первыми подняли руки. Следом поднялось ещё несколько рук. Тренер кивнул.

— Отлично. После уроков жду вас в школьном спортзале, познакомимся поближе.

Тренер построил всех добровольцев в шеренгу.

— Ребята. Вижу вашу решимость, но сразу предупреждаю: бокс — спорт жёсткий, от вас понадобятся не только сила и ловкость, но и упорство.

Кокорин неторопливо двинулся вдоль шеренги, записывая данные мальчишек в блокнот. Перед Олегом Тарасовым, другом Андрея, тренер молча остановился, в его взгляде читалось сомнение.

— Николай Алексеевич, — не выдержал Андрей, — Олежка, знаете, какой сильный и выносливый!

— Друг? — Кокорин улыбнулся.

— Друг.

— Это хорошо. Фамилия, имя, адрес?

Вечером после работы Кокорин вошёл в заднюю дверь старенького автобуса и устало сел на железное крашеное сидение. Некоторое время он под завывание двигателя смотрел в замороженное окно, потом его взгляд скользнул на сидение напротив. Оно было густо исцарапано различными надписями. Обычное дело, но тут в глаза бросились крупные, чуть корявые буквы: «Мыша» и «Колдун». Тренер протянул руку, провёл пальцем и, улыбнувшись, покачал головой.

Утром тренер зашёл в раздевалку, Андрей и Олег стояли у своих шкафчиков, он направился к ним, мальчишки замерли.

— Вы зачем, герои, автографы свои на автобусных креслах нацарапали?

Ребята переглянулись.

— Это не мы! — заявили они хором.

Андрей не успел улыбнуться своим детским воспоминаниям, как вдруг вновь выпал в темноту под веками. Что-то обеспокоило его нежным и знакомым прикосновением к руке. Он было дёрнулся навстречу, но споткнулся о тихий женский голос.

— Андрюша, почему ты никого не послушал? И я, и друзья, все говорили, не ходи больше на войну!.. Ой, доктор, у него пальцы дрогнули!

— Увы, Юлия, это рефлексия, так часто бывает.

Женщина всхлипнула и запричитала.

— Андрюша, как я тебя просила, составь завещание! А ты что сказал? Герои не умирают! Расскажи теперь это самому себе.

Горестная волна заколыхала темноту под веками, подтолкнула Андрея куда-то прочь от блистающих пятнышек света, но он сопротивлялся, он же их ещё не все рассмотрел!

Андрей, прижимая к носу быстро краснеющую тряпицу, спрыгнул с ринга и, не обращая внимания на оклик Мыша, направился в раздевалку. Тарасов рванулся следом, но Кокорин ухватил его за руку.

— Олег, у тебя бой скоро, я сам. Кстати, а почему ты друга Колдуном кличешь?

Мальчик помолчал, раздумывая, говорить или не говорить.

— Он с первого класса вечно перед важным делом колдует, шепчет что-то, руками машет.

— Понятно.

Калегов сидел на скамейке, рассматривая окровавленный клочок в руках. Вошёл тренер, он глянул в его сторону и насупленно отвернулся. Кокорин сел напротив.

— Андрей, поговорим? — мальчик кивнул. — Это твой восьмой проигрыш подряд.

— Я знаю. Но это несправедливо, подумает, нос слегка задела!

Калегов зло и метко закинул бурую тряпку в урну в углу. Тренер удивлённо приподнял бровь, на губах мальчишки мелькнула довольная улыбка.

— Андрей, давай посмотрим правде в глаза, — Кокорин сделал паузу, но ученик молчал, и он продолжил. — Ты способный, данные у тебя хорошие, но для бокса нос слабый. Все твои проигрыши из-за кровотечения. Даже противники уже знают, специально метят.

— Ну и пусть!

— Андрей, может, борьбой займёшься?

— Нет! Я буду побеждать!

Кокорин встал, похлопал ученика по плечу.

— Ладно, герой, посмотрим!

Калегов подошёл к остановке автобуса, на которой плотной группой зябко топтались недовольные граждане. «Похоже, опять автобус сломался», — подумал он. Нескольких вопросов, и его опасения подтвердились, люди автобус уже час ждут. Мальчишка закинул за спину спортивную сумку и выбежал на искрящуюся снегом дорогу. «Ничего, — шептал он себе в такт бегу, — всего пять километров, не впервой».

Когда он ввалился в раздевалку, от него валил пар, ребята из команды заулыбались: «Что, Колдун, опять бегом?» Сил отшучиваться не было, надо было срочно переодеться. Олежек был уже здесь.

— Мыша, а ты как добрался?

— Отец на обед заезжал, подвёз.

Через четыре года после успешного участия в нескольких всесоюзных юниорских турнирах Калегов получил КМС: кандидат в мастера спорта по боксу.

Андрей с Олегом стали захаживать на городскую дискотеку. Часто там было неспокойно из-за выпивох и буянов, пристающих к девчонкам и устраивающих пьяные драки. Однако с некоторых пор местные хулиганы стали наткаться на кулаки двух боксёров, без лишних слов призывающих к разумному поведению и справедливости. Очень скоро Колдуна и Мыша запомнили и уважали, а девочки стали бегать к ним жаловаться на залётных пристава и грубиянов.

Бокс боксом, но некоторые стычки показали друзьям, что одних боксёрских навыков для победы в них не всегда достаточно. Мыша где-то раздобыл видеофильм первого чемпионата Европы по кикбоксингу 1984 года. Невозможно сосчитать, сколько раз они просматривали эту запись, а ещё замороженно смотрели фильмы с Брюсом Ли, Чаком Норрисом, с другими мастерами единоборств. В свободное от основных тренировок время друзья стали отрабатывать увиденные приёмы, иногда до хрипоты спора, как надо правильно бить ногами и какую стойку держать. Очень скоро новые навыки пригодились. Особо обидчивые смутьяны дискотек систематически обещали с ними «разобраться» после танцев на улице. Друзья никогда не трусили и, привычно встав «спина к спине», неизменно выходили из этих разборок победителями.

За постоянными тренировками, соревнованиями, неприятностями в учёбе молодость летела по жизни стремительно, весело и вольготно. Незаметно закончились школьные годы, учителя облегчённо вручили Калегову аттестат. Быстро пролетело лето, и вот замаячила впереди срочная служба.

Осенью 1990 года Андрей и его закадычный друг вошли в военкомат. Дежурный поманил их к себе, Калегов протянул паспорт и повестку.

— На медкомиссию в правый коридор, — строго сказал прапорщик, потом сурово посмотрел на мелкого Тарасова. — А вы куда?

— Мне к военкому надо! — выпалил Мыша и тоже протянул паспорт.

— И что стоим? — спросил прапорщик у Калегова, записывая данные паспорта Олега.

— А нам к военкому вместе надо.

— Хорошо, идите, вон приёмная.

Военком оказался полноватым седым майором с густыми усами. Он устало уставился на двух подтянутых ребят.

— Слушаю.

— Товарищ майор, — бойко начал Тарасов, — у меня друг в армию идёт, я вместе с ним служить хочу!

— Да? — удивился военком. — Дай-ка паспорт.

Майор полистал паспорт, покачал головой.

— Извини, парень, твоя очередь весной придёт.

— А добровольно разве нельзя?

— Ну, вы даёте! Сколько здесь сижу, ты первый, кто в армию раньше срока просится.

— Товарищ майор, — поддержал друга Калегов, — помогите. Мы с Олегом всегда вместе: и в школе, и в спорте.

Военком заинтересованно приподнял бровь, пристально рассматривая парней.

— Спортсмены?

— Боксёры, — торопливо ответил Олег. — У меня первый взрослый, а у Андрея КМС.

— Ладно, Тарасов, напишу в область запрос по твою душу, ступай к секретарше, пусть данные твои перепишет, и свои спортивные достижения не забудь.

— Спасибо! — расплылся в улыбке Тарасов.

— Не радуйся раньше времени, я ничего не обещаю, начальство решать будет.

Мыша выскочил за дверь.

— Погоди, — остановил военком Андрея, собравшегося следом. — Как фамилия?

— Калегов.

— Кокорин твой тренер?

— Так точно!

— Он мне звонил. В ВДВ пойдёшь?

— Конечно! Я и сам хотел.

Майор кивнул, улыбаясь в густые усы.

— После медкомиссии ко мне зайдёшь.

Автобус с новобранцами минул распахнутые ворота с крупными звёздами и смешной двухэтажный домик КПП, за автобусным окном мелькнул долговязый ефрейтор с красной повязкой на рукаве и синим беретом на голове. Дорога мимо стройных пахучих сосен привела на огромный плац, плотно окружённый зданиями. Чуть позже Калегов узнает, что четырёхэтажное здание в торце плаца — штаб, напротив — трёхэтажный учебный корпус, между ними три казармы по четыре этажа каждая, а напротив казарм — спортзал и столовая.

Пожилой прапорщик с морщинистым обветренным лицом дал команду трём сержантам, и те принялись расставлять новобранцев в одну длинную шеренгу. После некоторой сумятицы им это удалось. Прапорщик кивнул им и громко скомандовал: «Личные вещи к осмотру!» Новобранцы переглянулись и неохотно опустили свои ноши к ногам. Сержанты вновь включились в работу и наглядно показали, как это делается: опрокинули несколько рюкзаков и сумок, высыпая содержимое на асфальт. Новобранцы всё поняли и принялись торопливо выкладывать вещи перед собой. Где-то на правом фланге одиноко послышался звон лопнувшей бутылки. Донеслись сердитые голоса сержанта, прапорщика и испуганное мычание новобранца.

— Петров!

— Я!

— Зарегистрируй-ка этого перца вне очереди и отправь сразу на кухню. Пусть картошку один на всю роту чистит. Стекло убрать.

— Есть!

Перед внутренним взором Калегова мелькнула просторная казарма, четыре идеально прямых рядов железных кроватей с заправленными в натяг одеялами с чёрными полосками, рядом табуреты и тумбочки с белыми номерами. Он держит в руках бечёв-

ку и вместе с дежурным по роте сержантом выверяет полоски на одеялах, где надо, чуть подтягивает, одёргивает, чтобы соблюсти военную геометрию.

Снова — словно вспышка фотоаппарата и новая картина. Они на спортивной площадке, все запыхались после бега. Перед ними стоит их взводный, старший лейтенант Сергей Иванович Окрошкин, большой, круглолицый, с густыми чёрными усами. Он только что пробежал с ними утренние три километра, но голос его был спокоен и гулок, как всегда.

— Вы десантники! Вы должны выполнять боевую задачу, используя все навыки, в том числе и рукопашные. Я вам покажу азы, а в войсках вы их закрепите. Калегов!

— Я!

— Два шага вперёд.

На утоптанной до бетонной крепости поляне новобранец и взводный встали друг против друга. На руках обоих потёртые боксёрские перчатки. Калегов встал в привычную боксёрскую стойку, взводный полубоком, чуть пригнувшись. Его покатые плечи скрывали мощь.

— Нападай! — скомандовал он.

Калегов отчетливо вспомнил, как взыграла его кровь, как ринулся он на противника. «Ничего, что он выше и шире, но зато я умелый и быстрый», — мелькнуло в голове. Он выдал каскад молниеносных ударов, некоторые из них явно прошли в корпус и голову, но даже не покачнули противника, напротив, тот вдруг пошёл вперёд, игнорируя удары. Андрей не успел понять, как оказался спеленатым в железном захвате, даже дыхание перехватило. Окрошкин оттолкнул его.

— Ещё раз!

Андрей разозлился, поменял стойку и провёл несколько ударов ногами и руками. Взводный с трудом, но отбил их, одновременно удивлённо хмыкнув, и опять рванулся вперёд. Неуловимо быстро он перехватил нападающую руку Калегова и, подставив ногу, обрушил противника на землю. Андрей чувствительно приложился спиной и тут же увидел летящий в лицо могучий кулак. Он зажмурился, но удара не последовало, лишь лёгкий порыв воздуха тронул кончик его носа.

Офицер рывком поставил Калегова на ноги и спокойно обратился к взводу:

— Забудьте про уличные драки и благородные поединки на ринге. Десантник должен работать миной, гранатой, пулей, броском ножа. Если и это не помогло, значит, далее идут приклад, ножевой бой, сапёрная лопатка. И сами понимаете, если вы всё это растеряли, только тогда наступает пора махать руками и ногами. И здесь ваша задача — как можно быстрее вырубить, придушить, сломать врага.

Калегов моргнул, и картинка переменялась. Он стоял рядом со взводным и вместе с ним смотрел вслед уходящему с песней взводу. Офицер взглянул на солдата.

— А ты молодец, заставил меня попытаться. И ногами хлётко работал, — старлей добродушно улыбнулся, — но неправильно. Ничего, я тебя научу, из тебя толк будет. Иди, догоняй взвод.

Андрей срывается с места, но вдруг спотыкается, начинает медленно падать и застывает висаящим над бледными кустиками желтоватой травки. Стало тяжело дышать, всё вокруг поплыло, он пытался остаться здесь, но краски тускнели, и он неотвратимо проваливался в темноту. Она привычно окужила его, но лишь на мгновение, в глаза сквозь веки впился яркий свет, и жутко запершило в горле.

Калегов открыл глаза. На его кровати сидел человек в белом халате и бережно тащил из него трубку искусственного дыхания. Вытащил. Андрей захотел полной грудью втянуть в себя воздух, но получилось немощно и скудно. К нему склонилось расплывчатое лицо врача.

— Дыши, герой, дыши! Сам дыши. Вот так, молодец!

— Сергей Борисович, как он? — встревожено, но так знакомо для Андрея спросил чей-то голос.

Калегов кашлянул, взгляд чуть прояснился, и он разглядел своего друга.

— Это надо же, три недели! Поневоле в чудо поверишь, — врач обернулся к Гурееву. — Саша, зрачки, кажется, реагируют, реагируют, садитесь, поговорите с ним, — доктор встал, уступая место. — Конечно, лучше бы жена...

— Она сказала, что не может, — торопливо ответил Гуреев и склонился над Калеговым. — Андрей, привет, это я, Саша Гуреев. Если ты меня слышишь, моргни.

Калегов медленно опустил веки.

— Обадеть! — всплеснул руками доктор и приказал медсестре, стоящей в проёме палаты: — Наташа, срочно бригаду сюда! А вы, Александр, идите, сейчас здесь будет тесно.

— Я смогу ещё прийти?

— Сюда нет. Вот переведём в обычную палату, тогда милости прошу.

Гуреев кивнул и вышел. Калегов устало закрыл глаза и вновь спрятался в уютную темноту с блистающими звёздочками своего прошлого.

Младший сержант Калегов вышел из поезда и растерянно огляделся. Он достал из кармана предписание: в/ч 92616, город Брест. В Брест он прибыл, а насчет части, видимо, придётся идти в комендатуру.

— Эй, десантура, привет! — его окликнул высокий сержант в камуфляжном комбинезоне, такой же кепке и с парашютами на петлицах. — Ты в 38-ю?

— Не знаю, — пожал плечами Андрей и протянул своё предписание.

— О! — обрадовался жизнерадостный собеседник. — Точно, к нам! Милости прошу в 38-ю отдельную гвардейскую десантно-штурмовую бригаду! Тебе, брат, сказочно повезло, я за билетами для начштаба заехал, смотрю, а ты тут жалом водишь! — сержант протянул руку и представился: — Сергей.

— Андрей! — Калегов благодарно пожал протянутую ладонь. — Спасибо.

— Не за что! Хватай вещички, Андрюха. Кстати, — спросил он уже на ходу, — а как ты из ВДВ к нам умудрился попасть? У нас, штурмовиков, своя учебка имеется.

— Меня взводный направил, сказал, что ваш капитан Васильев запрос прислал.

Сержант от удивления остановился.

— Геннадий Арсеньевич? Это ж наш главный рукопашник в бригаде! Если к нему, то в спецроту. Ты что, мастер?

— По боксу — кандидат в мастера, а по рукопашке начинающий, — улыбнулся Калегов.

В просторном спортзале капитан Васильев в кимоно построил молодое пополнение. В разномастной спортивной форме солдаты выглядели цветасто. Капитан приказал оголить торс, потом прошёл мимо, все были подтянуты, с хорошей мускулатурой. Он удовлетворённо кивнул.

— Просто красавцы, а не спортсмены, — кто-то хихикнул, Васильев криво улыбнулся. — Посмотрим, как после тренировок хихикать будете, — ответом послужила полная тишина, все замерли. — Вот так-то лучше. Итак, поясняю. Кроме штатных занятий и боевой подготовки, в моей роте проводится углублённое изучение армейского рукопашного боя, сокращённо АРБ. Предупреждаю, будет тяжело и больно. Все вы люди здесь не случайные, с опытом силовых состязаний, но силком я никого не держу. Кто не желает, говорите сейчас, переведу в обычную роту. Без последствий. Ну? — капитан выжидательно всматривался в лица ребят, все молчали. — Вот и хорошо, — продолжил он. — Кстати, у нас послезавтра бригадные соревнования по АРБ намечены, может быть, есть желающие?

— А кто участвует? — внезапно и громко спросил Димка, сосед Калегова по койке.

— Солдаты-срочники, как вы, — капитан хитро прищурился, — а также сверхсрочники, прапорщики и офицеры, те, кто прошли огонь и воду. Так что могут сделать бо-бо. Итак, кто хочет получить тумаков?

— Я! — вдруг неожиданно для себя выкрикнул Андрей.

— Шаг вперёд, представиться!

— Младший сержант Калегов!

— Как я понимаю, ученик старшего лейтенанта Окрошкина?

— Так точно!

— Сергей Иванович тебя хвалит. А ты сам уверен, что готов выйти на ковер?

— Так точно, уверен! Товарищ капитан, разрешите вопрос?

— Давай, — с интересом на лице кивнул Васильев.

— А если получится так, что я тумаков навалю, например, офицеру, это будет нарушением субординации?

Капитан широко улыбнулся.

— Вот ты о чём? Не волнуйся, наряд тебе не объявят. На ковре погоны не носят, все по позывным записаны. Вот тебя, герой, как записать?

— Колдун.

Гуреев с надеждой всматривался в невозмутимое лицо врача. Тот щёлкал мышкой и явно делал вид, что читает на мониторе что-то очень интересное.

— Ну что ты меня взглядом пронзаешь? Состояние стабильное, дышит сам, тебя вот вроде как узнал.

— И опять сознание потерял!

— Если мозг жив, сознание вернётся, — Извозов резко отодвинул компьютерную мышку в сторону, — а вот как он жить дальше будет?

— В каком смысле?

— В смысле полного паралича, — доктор пристально посмотрел на собеседника.

— Как же так? Неужели навсегда?

— Не знаю. Теоретически ремиссия возможна, но на практике... Понимаешь, Саша, мозг — штука загадочная, а твой друг — весь загадка, — Извозов достал из кармана зажигалку и принялся вертеть её пальцами. — Он выжил, хотя не должен был, пришёл в сознание, хотя никто не надеялся. Я ж вас попрощаться тогда пустил.

— Я помню, спасибо.

— При чём тут я, главный разрешил. Кстати, как там его жена?

— Плачет.

— А кто такая Лена? Она мне часто звонит.

Гуреев замялся.

— Подруга.

— Ну, дела. Она мне сказала, что в любом случае Андрея не бросит.

— Мне тоже. Так когда же вы нашего чемпиона в обычную палату отправите?

— Скоро. Вот выведем из искусственной комы и переведём. А почему чемпион?

— Потому, что в молодости кучу чемпионских титулов насобирав.

— Расскажи.

— Он ещё в школе КМСа по боксу получил. Срочную служил в десантно-штурмовой бригаде в Бресте. Там один мастер по армейскому рукопашному бою его и приметил, так Андрюху натренировал, что тот пробился на первый всеармейский чемпионат по рукопашному бою и стал чемпионом.

Доктор удивлённо покачал головой.

— Из бокса в чемпионы по рукопашному бою? Как такое возможно?

— С Андреем многое невозможное становится возможным. Вы в курсе его первого ранения?

— Конечно, я изучал анамнез, тяжёлое ранение в голову.

— Но там вряд ли написано, что пуля не вошла в голову, а срикошетировала от неё.

Я тогда разговаривал с лечащим врачом, тот сказал, что у Андрея кость черепа толще нормы на 1-2 миллиметра.

— Ничего себе!

— Жаль, что от осколков мины это не спасло.

— Саша, я начинаю подозревать, что дело не в кости. Ты понимаешь, не мог он после второго ранения в голову выжить.

— А он выжил.

Мужчины помолчали.

— После армии Андрей домой вернулся, — неспешно начал вспоминать Гуреев, — потом ко мне в Москву приехал. Я его познакомил с видным тренером по боксу, а тот и кикбоксёров тренировал, вот и взялся с ним работать. Через три месяца Калегов попал в сборную Москвы, потом в сборную России и за два года собрал целый веер титулов: чемпион России, чемпион Европы, чемпион Азии, вице-чемпион мира.

— Похоже на сказку.

— Но это была, только давняя, середины 90-х. Андрей даже в нескольких фильмах умудрился сняться, с Мамоновым, с Олейниковым. В эпизодах, конечно. И с Ван Даммом пообщался.

— Ничего себе! И что про него сказал?

— Что он балерун и алкоголик.

— Но как же из такого гламура Андрей умудрился стать офицером ФСБ?

Гуреев улыбнулся и встал.

— Простите, доктор, об этом я не буду рассказывать. Могу лишь сказать, что случай помог.

— Как всегда? — Извозов тоже встал, глянул на часы. — Пойду я чемпиона навещу.

— Привет ему от меня передайте.

— Я все приветы передаю, — мужчины пожали друг другу руки, — думаешь, слышит?

— Уверен в этом, Сергей Борисович.

— Тогда ищите сиделку.

Сержант Калегов, наглаженный и душистый, прогуливался по улице Советской в центре Бреста. Здесь вокруг фонтана постоянно тусовалась молодёжь, а уж в выходные было не протолкнуться. Каждое увольнение Андрей приезжал сюда и воочию наблюдал, как меняется его большая страна. В его бригаде служба шла своим чередом и, казалось, ничего не менялось, разве что офицерам стали задерживать зарплату, и они ходили злые и вредные. Зато город изменялся на глазах: нормой стали многокилометровые автомобильные пробки в сторону границы, как грибы после дождя росли

ларьки и магазинчики с разнообразными цветастыми товарами. Молодёжь у фонтана и бара собиралась особенная. Яркие заграничные наряды, показная сексуальность девчонок, яркие банки пива в руках и пресыщенные ленивые взгляды в его сторону. «Центровые» чужих не любили, но солдат терпели, куда ж им с десантниками тягаться, поэтому просто не замечали.

Калегов проходил мимо фонтана, когда в него вдруг плюхнулся подвыпивший джинсовый мальчик. Он смешно барахтался, пытаясь зацепиться за парапет, но пальцы соскальзывали. Толпа вокруг смеялась и подбадривала, выкрикивая: «Держись крепче, Валера!» «Вот уроды!» — подумал Андрей и, раздвинув пару зрителей в стороны, ухватил тонкую кисть Валеры. Одним движением он поставил его на ноги и помог перелезть через парапет. Недалеко замигал синий свет, это жёлтый милицейский уазик неспешно и тихо катил по тротуару с очередным досмотром территории. Толпа мгновенно поредела. Калегов подхватил Валеру под локоть и повел к опустевшей курилке. С парня текло, ноги заплетались, но он довольно улыбался. Андрей усадил его на край скамьи. Милицейский УАЗик благополучно проехал мимо.

— Валера, — обратился он к парню, — тебе домой надо, простудишься.

— А я не Валера, — заявил парень и бессмысленными глазами посмотрел на армейскую форму. — Ты мент?

Андрей ответить не успел, подбежала милая девчушка в короткой юбке.

— Женька, ты зачем в фонтан опять полез?!

— Чтоб повеселело! — парень пьяно хихикнул.

— Так он не Валера?

Девушка, наконец, обратила внимание на Андрея.

— У нас все, кто в фонтан лезут, Валеры.

— И что, много желающих? — удивился Калегов.

— Хватает, — девушка озадаченно посмотрела на Женю, мычащего какой-то мотивчик, перевела взгляд на Калегова. — Молодой человек, помогите мне его домой отвести, тут рядом.

— Меня Андреем зовут, — сказал Калегов и улыбнулся обаятельной улыбкой.

Взгляд девушки потеплел.

— А меня Олеся.

Они вышли из подъезда дома на полутёмную улочку, сюда явственно доносились шумы с улицы Советской, но словно из другого мира.

— Ты обратно? — спросил Калегов.

— Не, домой. Завтра отцу надо помочь собраться в дорогу.

— Я провожу?

— Пошли.

По пути Олеся доверчиво поведала новому знакомому, что отец возит в Польшу советские дрели и пылесосы, там продаёт и покупает всякое барахло и технику. Здесь сдаёт, потом собирает новую партию для продажи. Для Андрея это было удивительным открытием, оказывается, отец девушки за одну поездку зарабатывал больше, чем за пару месяцев работы на заводе. Впервые в его голове мелькнуло беспокойство от ожидаемой неопределённости на гражданке. Олеся весело щебетала и прижималась к нему, им было хорошо вместе.

Зима. Андрей целуется с Олесей на скрипучем крыльце.

— Мне пора, надо до подъёма успеть.

— Ох, Андрюшка, получишь ты гауптвахту за свои самоволки!

— Ничего, отсижу.

Они опять целуются. Калегов смотрит на часы.

— Автобус скоро.

Он подбегает по заснеженной улице к автобусной остановке. Неожиданно его хлопают по плечу тяжёлой ладонью. Он отскакивает и оборачивается. Два бородатых кавказца с вызовом смотрят на него, говорят с характерным акцентом.

— Не бойся солдатик, нам только рубли нужны.

— И часы у тебя красивые.

— Не подаю.

— Что? Мы с Кавказа!

— А я с Урала.

Два молниеносных удара, и два тела падают навзничь. Подъезжает автобус, Андрей прыгает на подножку, сзади начинают шевелиться поверженные агрессоры, один ругается на своём наречии.

Калегов открыл глаза и привычно посмотрел в потолок. Он его уже хорошо изучил,

все выбоины, трещинки. Над ним склонились добрые глаза сиделки Татьяны.

— Андрей, доброе утро! — с хрипотцой ласково сказала она.

Он попытался улыбнуться, но получилось, как всегда, плохо, и в ответ он опять только промычал что-то несуразное. Услышав себя, жгуче разозлился: нет, он должен обязательно ей ответить! Андрей вцепился правой рукой в край кровати и, сводя от усилий мышцы, проговорил более-менее различимо: «Доброе». И вдруг легко улыбнулся, криво, но понятно.

Сиделка всплеснула руками.

— Вот молодец! Спасибо тебе! Сейчас позавтракаем, а потом массаж. Хорошо?

Калегов кивнул. У него получилось! Он вдруг ясно понял, что в болезни, как в спорте: хочешь достижений — применяй сверхусилия. Вот и правая рука вроде бы приподниматься стала. Он потянул её что есть силы вверх.

Хлопнула дверь палаты.

— Татьяна, как наш чемпион?

— Сергей Борисович, он мне только что «доброе» сказал!

— Тебе не показалось?

— Нет, я ясно слышала! И руку поднимал. Вон опять пытается.

Скрипнула кровать, Калегов почувствовал на своей перенапряжённой руке прикосновение тёплых ладоней, они мягко опустили его руку, твёрдо пробежались по ней пальцами, расслабляя мышцы.

— Ну, Андрей, ты просто герой, а теперь надо срочно немного передохнуть, — доктор оглянулся на сиделку. — Татьяна, я пришлю сестру, она даст снотворное, пусть поспит.

— А процедуры?

— Я скажу, чтобы перенесли на после обеда.

Калегов и капитан Васильев, оба в кимоно, сидели на длинной скамейке в пустом спортивном зале.

— Боюсь, скучать буду.

— Так оставайся на сверхсрочную. Службу знаешь, женишься, корни пустишь.

— Корни, это вряд ли.

— Почему? Ты же говорил, у тебя невеста в Бресте?

— Была, — горько усмехнулся Андрей. — Поплакала мне в плечо и уехала с папой в Германию. Он в автосервис устроился, будет немецкие битые машины ремонтировать и нам, лохам, впаривать.

— Хм, — капитан озадаченно потёр подбородок. — Может, оно и к лучшему?

— Может, — вздохнул Калегов, он всё ещё переживал внезапное расставание.

— Ну, так оставайся служить, ты же прирождённый десантник.

— Кому служить, Геннадий Арсеньевич? Союза нет, мы с вами теперь за границей.

— Россия всё равно есть. Я тебя в Псков переведу в спецроту. Прапорщика получишь, заочно учиться сможешь.

— Я, учиться?

— А ты что, дурнее других? Диплом получишь, офицера присвоят.

Калегов задумался, Васильев его не торопил.

— Геннадий Арсеньевич, я слышал, нашу бригаду в армию Белоруссии передавать будут, а вдруг с переводом в Псков не получится? Не, я домой поеду.

— Ладно, решил, так решил. Ты, главное, спорт не бросай, он тебя всегда выручит и поддержит.

Они встали, обменялись крепким рукопожатием.

— Геннадий Арсеньевич, может, свидимся ещё?

— Не исключено, — улыбнулся тот.

Калегов приехал в родной город утром вместе с первым снегом. Едва вышел из междугороднего автобуса, сразу замело, да так зло и пронзительно, будто природа как раз его и дождалась, дабы распрощаться с осенью. Андрей в сержантской парадке поёжился и заторопился к остановке. Карпинск изменился: на каждом углу ларёк, везде мусор, пустые бутылки, на улицах, несмотря на холод, непривычно много людей, бесцельно бредущих или gazeющих по сторонам, одетых небрежно и ветхо, с тоскою в глазах. В Бресте так уныло не было.

Мать его встретила с удивлением и радостью.

— Мам, я же телеграмму послал.

— А меня дома не было, сынок, — безвинно улыбнулась она. Они обнялись.

— А Оксанка где?

— Без понятия, — мать поникла, устало присела на табурет, — она совсем от рук отбилась, грубит.

— Как же так, я отметить по-семейному хотел, гостинцев привёз.
— Ничего, на комодке телефоны подружек, я к соседке сбегая, обзвоню. Ты хозяйничай пока.

Мать ушла, Калегов оглядел крохотную кухню и грустно покачал головой. Отвык он от этого мирка, раньше не замечал его убогости, а теперь... а теперь вся страна рухнула, стало ещё хуже.

Звонок в дверь. Калегов открыл, на пороге юркий паренёк с наглыми глазами. Андрей вопросительно посмотрел на незваного гостя.

- Андрюх, привет.
- Привет, только от кого?
- От Усти. Слышал?

Калегов кивнул, кто ж не слышал? Не успел приехать, приятели разъяснили новые порядки и кто в городе «мазу» держит. Устюжанин личность известная.

- Выходи на крылечко, там старшой тебе всё объяснит.
- Хорошо, оденусь только.

На скрипучем крылечке их старого двухэтажного барака курили два плечистых парня, а худосочный посыльный уже сидел за рулём большого «Мерседеса» и посматривал в их сторону. Молодые люди обменялись рукопожатиями. Поговорили, Андрей слушал, что-то отвечал. Потом кивнул, они неспешно двинулись к машине.

Калегов смотрел через густо тонированное стекло на свой город и ощущал себя в другом мире, тем более, в этой большой машине уличные звуки гасли, усиливая эффект потусторонности. Он настроился на дальнюю дорогу, подумав, что его повезут куда-нибудь загород, в поместье за высоким забором, но они приехали в центр города. Машина несколько раз повернула и остановилась у двух зданий из жёлтого кирпича, раньше их называли райкомовскими.

Просторный коридор квартиры был уставлен коробками с импортными наклейками, пахло сигаретами и алкоголем. Они прошли мимо небольшой комнаты с нарисованными весёлыми львятами на стене, здесь стояли четыре неряшливые кровати, на одной храпел здоровяк в одежде, одна нога была в кроссовке, со второй свисал мятый грязно-белый носок. В большой комнате с когда-то шикарной румынской стенкой в кресле у окна восседал крепкий мужчина средних лет в спортивном костюме, он кивнул на стул перед собой, не торопясь прикурил. Калегов сел, два его сопровождающих усадились на диван, тот недовольно скрипнул.

— Андрей, ты ведь в десанте служил? — спросил Устюжанин.
— В десантно-штурмовой бригаде, Игорь Иванович, — вежливо ответил Калегов, как проинструктировали его ещё в машине.

Авторитет довольно улыбнулся.

- Чем заниматься планируешь?
- Работу буду искать, может, в Екатеринбург поеду.
- Понятно, — усмехнулся Устя, — будешь в Ёбурге на заводе батрачить?

Калегов неопределённо пожал плечами, Устя понимающе кивнул.

— Колдун, завод не для тебя, ты же боец, а не терпила. Предлагаю тебе у нас поработать.

— Это кем же? — насторожился Андрей.
— Не бойся, — усмехнулся Устя и пустил густое кольцо дыма, — криминал без тебя обойдётся. У меня есть место в охране рынка, обычная работа. Зарплата приличная, тренироваться сможешь.

Калегов задумался. Первый позыв был отказаться, он понимал, где он и с кем разговаривает, но работа обычным охранником пока вполне бы его устроила.

— Андрей, сейчас времена такие, что народ сам за порядком следить должен, на ментов и чинуш никакой надежды. Вот мы и следим. Так как?

- Я согласен.

Калегов раскрыл сумку и принялся складывать туда вещи, в комнату зашла мать, тревожно прижала к груди руки.

— Сынок, может, ты зря уволился?
— Зря?! — Калегов со злостью закинул в сумку кроссовки и потёртые боевые перчатки. — А ты что, предлагаешь, остаться и деньги со стариков собирать?! Они последнее на рынок несут, а я, как держиморда, таксу с них брать буду?! Нет уж, спасибо.

Он раздражённо застегнул молнию сумки, прощально обвёл взглядом свою маленькую, но такую родную комнату.

- Андрюша, куда ж ты теперь?
- В Екатеринбург поеду, меня обещали охранником в торговый центр устроить.
- А как же мы с Оксаночкой?

— Я приезжать буду.

Сиделка вывезла Калегова на улицу. Он сидел в кресле и довольно шутился на солнце, воздух легко и обильно вливался в лёгкие, наполняя сердце надеждой. Аккуратные дорожки реабилитационного центра под елями и соснами, две утки, вразвалочку идущие по дорожке, игнорируя больных, отдыхающих на скамейке, белка, неутомимо скачущая у КПП то на толстый ствол, то обратно на землю, и добрый говор сиделки Татьяны за ухом, неразличимый по смыслу, но так приятно ласкающий слух. Всё это неслышно шептало ему: живи, борись, ещё не всё потеряно. Андрей пошевелил правой рукой, коляска остановилась.

— Что, хороший мой? — спросила сиделка. Андрей было что-то невнятно замычал, но оборвал себя, напрягся и почти отчётливо громко произнёс:

— Хорошо.

Из дверей КПП вышел Гурьев, издали засиял улыбкой и быстрым шагом направился к нему.

— Привет, Андрюха! — он наклонился и бережно обнял друга, тот крепко сжал ему предплечье и сказал:

— Привет!

— Ого! — обрадовался Гурьев. — Вот это прогресс! Татьяна, спасибо вам, давайте я его покатаю? А вы передохните.

— Хорошо, — сиделка глянула на часы. — Через сорок минут жду в фойе, у нас процедуры.

— Не вопрос, — Гурьев наклонился к Калегову. — Ну что, на наше место?

Андрей кивнул и попытался улыбнуться.

Встречать Новый год Андрей приехал в Карпинск. Привёз домой целый ворох подарков, всяких вкусностей, вина и шампанского. Он радостно обнялся с сестрой и мамой, та от избытка чувств долго не выпускала его из объятий. Потом они вместе накрыли стол и сели праздновать. Было хорошо и уютно.

Калегов поддывал шампанского в бокалы матери и сестры, его бокал стоял практически нетронутый. Раиса Ивановна с удовольствием сделала глоток и любяще посмотрела на сына.

— Очень вкусное шампанское, да, Оксаночка?

— Ничего, — кивнула сестра, ленивоковыряясь вилкой в тарелке.

— Оксан, ты чего такая грустная?

— Её подруга приглашала, из-за тебя осталась, — ответила за неё мать. — Может, отпустим?

— Конечно, отпустим. Пусть идёт, я не обижусь. Ты только веди себя хорошо, ладно? Не забудь, о чём мы с тобой сегодня говорили.

Девушка тут же расцвела радостью, вскочила, обняла брата, поцеловала.

— Не забуду. До встречи в новом году! Андрюш, можно я бутылку вина возьму?

— Можно.

— Что это у вас за разговоры? — прищурилась мама, когда Оксана убежала.

— Воспитательные.

Раиса Ивановна вполне удовлетворилась этим ответом и вылила себе в бокал остаток шампанского.

— Сынок, а ты, я смотрю, так и не пьёшь?

— Мам, я же спорт не бросаю, форму держу.

— Молодец. Эх, пропадаем мы здесь, сынок, может, хоть ты человеком станешь.

Калегов включил телевизор, пощёлкал каналами.

— Андрюша, открой ещё шампанского?

— Мам, может, попозже, ты как себя чувствуешь?

— Отлично, мне пару глотков для настроения.

Калегов сходил на кухню, хлопнул дверцей холодильника, вернувшись, занялся пробкой. Раиса Ивановна нежно наблюдала за сыном. Он добавил в её бокал шампанского и вогнал пробку обратно в бутылку.

— Мам, открою под куранты.

— Ладно-ладно, не волнуйся, — женщина, довольно прищурившись, пригубила вино. — Кстати, сынок, чуть не забыла. К тебе тут твои товарищи спортсмены заходили.

— Какие спортсмены? — насторожился Калегов.

— Товарищи по секции. Хотели письмо тебе написать, так я им твой адрес в Екатеринбурге дала. Не написали?

— Пишут, наверное, — нахмурился сын.

Морозным утром Андрей решил сходить в магазин. После двух новогодних дней

город отсыпался, и в магазине он был единственный покупатель. Продавщица откровенно дремала за прилавком. Настроение у Калегова было дурное, слова матери о «товарищах спортсменах» не выходили из головы. Он понял, что прежние работодатели его просто так отпустить не хотят. Плохое предчувствие нарастало.

Хмурый и задумчивый он вышел из дверей магазина. А вот и неприятности: у ступенек крыльца его поджидали трое бандитов. Один очень здоровый, второй худощавый с набитыми косточками на кулаках, третий жилистый, высокий, он и начал разговор.

— Привет, Колдун, с прибытием в родной город. Поговорим?

— Так уже говорим.

— Пошли, спортсмен, в скверик, — пробасил здоровяк, — чтоб народ не пугать.

Укромный скверик, запорошенный снегом. Калегов поставил пакет с покупками на заснеженную лавку, повернулся к бандитам. Разговор опять начал жилистый.

— Ты Устю обидел. Он тебе работу дал, а ты с ним даже не попрощался.

— Согласен, неудобно получилось. Вы мои искренние извинения Игорю Ивановичу не передадите?

— Во даёт! — не сдержался здоровяк.

— А ты борзый, — негромко буркнул худощавый, грозно хмурясь на Андрея.

— От нас просто так не уходят, — покачал головой жилистый. — Так что, Колдун, ты или возвращайся, или мы тебя накажем. Надо будет, и в сибирской столичке найдём.

— Вон оно как! — разозлился Калегов. — Обиделись? А сестру мою на наркоте зачем посадили?

— Она сама захотела, — ухмыльнулся жилистый. — Ты у неё спроси.

— Спрашивал. Вы её специально подставили.

Здоровяк вытащил нож, жилистый хотел что-то сказать, но Андрей не стал дожидаться, неожиданным выпадом ноги выбил нож, врубил кулаком верзиле в подбородок, тот осел, как подрубленный. Второй бандит тоже выхватил финку, но Андрей выдал ему прямой удар ногой под колено. Что-то хрустнуло, тот тоненько заверещал и, выронив нож, упал. Жилистый отскочил и рванулся в сторону, метрах в двадцати обернулся.

— Передай, не вернусь я к вам, — крикнул ему Калегов.

— Тебе конец, Колдун!

Калегов дёрнулся в его сторону, тот задал стрекоча. Андрей подхватил пакет со скамейки и поспешил домой, было ясно, что новогодние каникулы досрочно прерываются.

Кокорин, школьный тренер Калегова, открыл дверь и удивлённо уставился на своего бывшего воспитанника.

— Вы извините, Николай Алексеевич, я...

— С Новым годом, между прочим, — прервал его Кокорин. — Хотя вряд ли ты меня поздравить пришёл, заходи.

Они сидели на кухне, пили чай. Калегов рассказал тренеру всё как есть, теперь они молчали, обдумывая ситуацию.

— На автобус тебе нельзя.

— Угу.

— Я тебе, Андрей, машину найду. Есть у меня надёжный папа.

— Спасибо!

— Бензин ему оплатишь туда-обратно.

— Само собой.

— Погоди мельтешить. Ты в Екатеринбурге не оставайся, найдут.

— Я знаю. Мне дружбаны по работе рассказывали про моего земляка в Москве...

Кокорин поморщился.

— Андрей, что значит дружбаны? Друзья. Говори правильно, за умного сойдёшь, — они невесело посмеялись. Кокорин включил конфорку под чайником. — Так что там за земляк?

— Он вроде дело своё в Москве открыл, не жадный. Сам спортом занимается и знакомых в столичном спорте имеет. Его спрашивали насчет меня, сказал, пусть едет.

— Вот видишь, это судьба, — тренер встал. — Всё, иду звонить насчёт машины.

Калегов тоже вскочил.

— Спасибо вам, Николай Алексеевич!

Кокорин подошёл, обнял, похлопал по плечу.

— В такие времена как же я своим мальчикам не помогу?

Гуреев встретил Калегова у вагона.

— Саша.

— Андрей, — они обменялись рукопожатием. — С прибытием, земляк. Двинулись?

За фонарями необъятного Казанского вокзала висела густая зимняя ночь, пронизываемая сполохами и шумами большого города. Калегов с любопытством разглядывал своего нового знакомого: явно постарше, но по-спортивному подтянутый, походка упругая, шаг широкий, встретил радушно, без всяких столичных закидонов.

Они тихо вошли в просторный холл квартиры, из кухни выглянула миловидная женщина.

— Это Света, — шепотом представил жену Гуреев, — моя вторая половина.

— Андрей, — едва слышно прошепел Калегов и почему-то смутился.

Женщина улыбнулась.

— Очень приятно. Саша, хозяйничай, а я спать, мне завтра на работу, — она приветливо махнула ладошкой.

Есть не хотелось, они, не сговариваясь, сошлись на чае. Андрей после дороги разомлел, глаза сами собой закрывались. Гуреев это видел и ни о чём не расспрашивал. После чаепития он привёл Калегова в небольшую комнатку с разложенным и застеленным диваном.

— Вот, располагайся.

— Саш, спасибо. Я завтра в гостиницу съеду, у меня деньги есть.

— Никаких гостиниц! Поживёшь пока здесь.

— Но...

— Никаких «но»! Земляк ты мне или не земляк? Спи, завтра поговорим.

Утром завтрак затянулся. Калегов сначала кратко рассказал о себе, но Гуреев не унимался, всё расспрашивал и расспрашивал, и про тренировки, и про соревнования юниоров, и про службу в армии, и про жизнь в Карпинске. Слушая, как живёт теперь его родной город, Александр горестно покачивал головой.

Андрей замолчал, а Гуреев ещё долго сидел в молчаливой задумчивости.

— Как я понял, — прервал он молчание, — ты тренировки не прекращал?

— Нет, конечно. Я в хорошей форме. Кстати, у тебя тут поблизости спортзала нет?

— Спортзалы везде есть, только тебя прежде на работу надо устроить. Я сначала к себе хотел пристроить...

— А что делать надо?

— Недвижимостью торговать. Сможешь?

Калегов так энергично замотал головой, что Гуреев рассмеялся.

— Не дрожи, земляк, я знаю, где ты будешь ко двору. Пойду я несколько звонков сделаю, а ты пока посуду помой. Справишься?

— Легко.

Гуреев набрал номер, повезло: ответили сразу.

— Ашот Иванович, с Новым годом!

— Саша, ты же уже поздравлял. Говори, что стряслось?

— Ашот Иванович, от вас ничего не скроешь. Земляка хочу показать.

— Показать, — сыронизировал собеседник, — скажи честно, пристроить в институт хочешь?

— Клянусь, классный боксёр, кандидат в мастера, в десанте служил.

— Хм, интересно. Ладно, приводи к пяти своего КМСа, посмотрим, каков. Пусть кроссовки и трусы боксёрские не забудет.

— Ой, я не знаю насчет трусов, — растерялся Гуреев.

— Саш, какая разница! Пусть в штанах с лампасами приходит. До встречи.

Гуреев положил трубку и устало утёр рукавом пот со лба, что-то проворчал про себя, улыбнулся. Когда пришёл на кухню, та блестела чистотой. Калегов вопросительно смотрел на земляка.

— Андрей, у тебя кроссовки есть?

— Есть.

— А боксёрские трусы?

— Нет. Я в кимоно тренируюсь.

— Отлично. К пяти поедем в Горный институт, там классный тренер по боксу. Смотрины тебе назначил.

— В институте?

— Не сомневайся, Гарамян Ашот Иванович — светило в спорте, заслуженный тренер России, профессор, кандидат педагогических наук.

— По боксу?

— По физкультуре. Сам увидишь. А до этого мы ещё на Мясницкую заедем.

- А там что?
- Охранная фирма «Темикс», будешь в группе быстрого реагирования работать.
- Опять в охране?
- Не хандри, там классные ребята, все из ФСБ, они беспредела не допускают. Так как, едем?
- Едем.

Гуреев вышел из КПП реабилитационного центра и наткнулся на доктора Извозова. Тот стоял возле урны и с наслаждением потягивал сигарету.

— Сергей Борисович, вы здесь? Здравия желаю! Мне вас Бог послал.

— Здравствуй, Саша, — они пожали друг другу руки. — Ты Бога всеу не поминай, я всего лишь на плановую консультацию приезжал. Про чемпиона своего спросить хочешь?

- Да.
  - Удивительный он товарищ, феномен, так сказать. Сегодня его долго обсуждали. Доктор замолчал.
  - И что?
  - Организм у Калегова крепкий, живучий, а вот паралич, похоже, навсегда. Увы.
  - Вы меня не удивили, — после долгой паузы грустно отозвался Гуреев.
- Доктор затушил сигарету, поморщился.
- Надо бросать эту гадость. Саша, пошли, навестим вместе твоего друга.

Калегов с интересом осматривался: большой светлый зал, стены из светло-жёлтого кирпича, белые колонны и лестница, сине-белый ринг и красные боксёрские груши на длинных цепях. Вроде бы обычный спортзал, но какой-то воздушный. Люди здесь выглядели обыкновенно и шум стоял привычный: дробные удары спортсменов по грушам, скользящий скрип кроссовок и напряжённое дыхание пары десятков человек.

Андрей ожидал увидеть большого плечистого кавказца и был поражён, когда Саша представил его невысокому с намечающимся животиком седоватому человеку с изящно подстриженными усами и бородкой. Тот пронзительно и улыбочиво посмотрел снизу вверх на Калегова, протянул руку. Она была крепкая и сухая. Калегов не любил потные руки, а к таким рукам сразу проникался доверием. Гаражян после рукопожатия руку Андрея не отпустил, мягко повертел её перед глазами, потом постучал по его предплечью и улыбнулся, видимо, осмотром остался доволен.

— Скажи, Андруша, труссы боксёрские у тебэ ест? — с неподражаемым акцентом и с очень серьёзным видом спросил Гаражян.

— Нет, — слегка смутившись, ответил Калегов, — только кимоно.

— Комоно, так комоно, — улыбнулся тренер и уже без всякого акцента вполне серьёзно добавил: — Куртку не надевай. Саша, покажи своему земляку раздевалку.

В чистой раздевалке, пахнувшей не потом, а недавним ремонтом, Калегов открыл пустующий шкафчик и принялся переодеваться.

- Как тебе тренер?
- Немножко смешной.
- Шутить Ашот Иванович любит.
- Добрый, наверное?
- Ага, очень! Будет тренировать, заплачешь.
- И не подумаю, — Калегов вытянул руки с надетыми перчатками. — Зашнуруешь?

Когда гости удалились в раздевалку, Гаражян поднялся по ступенькам на помост ринга и, держась за канат, осмотрел зал, ища нужного спортсмена. Нашёл.

— Слава! — крикнул он зычно и поманил к себе жестом. К тренеру лёгкой трусцой подбежал высокий рукастый парень с короткой военной стрижкой. — Гостя заметил?

— Саша опять земляка привёл? — улыбнулся боксёр и выразительно стукнул перчатками друг о друга. — Просветить надо?

- Да, только нежно, без травм.
- Ашот Иванович, сделаем в лучшем виде.

Слава был выше Андрея и шире в плечах. Гаражян хлопнул в ладоши, боксёры начали мужской танец. Слава, надеясь на свои длинные руки, принялся атаковать с дальней дистанции и придавливать противника к углу ринга. Он ожидал, что Андрей попятится, но тот, успешно отбивая удары блоками, шагнул навстречу, провёл обманный финт в челюсть, вынудив соперника на мгновение приподнять руки, и резко ударил чуть ниже солнечного сплетения. Слава отскочил и с изумлением в глазах принялся глотать воздух.

— Стоп! — жёстко скомандовал Гарамян и ловко проскользнул через канаты на ринг. Он подошёл к своему боксёру, заглянул ему в глаза, тот уже отдышался, похлопал его по плечу. — Не ожидал? — Слава помотал головой. — И я не ожидал. Ты иди, спасибо, — Гарамян повернулся к Калегову и, забрав назад руки, медленно обошёл его вокруг, остановился напротив: — Молодец! — Калегов вдруг покраснел и смутился. Это ещё больше понравилось тренеру, он заулыбался. — Быстрый. Саша сказал, ты рукопашник?

— В армии занимался.

— А что чемпионом был, почему молчишь? Скромный или гордый?

Калегов вдруг открыто улыбнулся.

— Ашот Иванович, я и то, и другое.

Гарамян не ответил, покачал головой и двинулся к канатам, поманив рукой за собой. Возле свободной груши остановился, кивнул на неё.

— Ударь ногами, — Калегов хлётко и быстро провёл серию ударов ногами. Гарамян довольно покивал и спросил. — Про кикбоксинг слышал?

— Конечно!

— В Москве он на подъёме, пойдешь?

— Пойду.

— Только учти, там бьют не по-детски.

— Так я битый, не боюсь.

— Ну-ну, герой, там видно будет. Учти, я поблажек не делаю, режим тебе распишу, нарушений не потерплю. Устоишь от соблазнов?

— Устою.

— Договорились. Паспорт с собой? — Калегов кивнул. — А аттестат?

— Тоже, только он...

— Ничего, — махнул рукой тренер, — главное, что есть. Иди переодевайся.

Андрей, сияя улыбкой, поспешил в раздевалку. Гарамян повернулся к Александру, всё это время стоявшему в сторонке.

— Хороший парень, перспективный. Он у тебя живёт?

— Угу.

— Подержишь пока?

— Не вопрос.

— Я твоего земляка на подготовительные курсы оформлю, сессия начнётся, в общежитие устрою, потом на летние сборы заберу. А если спорт у него хорошо пойдёт, общежитие ему через ректора ещё раньше сделаю.

— Спасибо, вам, Ашот Иванович!

— Как знать, не исключаю, что и я тебе спасибо скажу.

Через месяц Андрей получил место в общежитии Горного института. А через три радостно сообщил Гурееву, что его взяли в сборную Москвы по кикбоксингу и, возможно, включают в сборную России.

Гуреев встретил Андрея и Виталия на Войковской.

— Ну что, боксёры, готовы на смотрины? — бросил он им после рукопожатий. — Тогда за мной!

Квартира находилась на последнем этаже обычной хрущёвки и, видимо, не впечатлила, потому что они вышли из пошарпанной двери с кислыми физиономиями. Следом за ними появилась полная женщина и с усмешкой взглянула на них.

— Ребятки, по такой цене я бронь держу только до вечера, у меня на завтра уже два просмотра назначены.

— Я обязательно позвоню, — заверил хозяйку Гуреев.

Женщина кивнула и осторожно пошла вниз по лестнице. Виталий повернулся к Калегову.

— Андрей, как считаешь, уживёмся мы в обшарпанной однушке?

— Легко. Сейчас ведь живём вместе в общежитии.

— Нет, ребята, так не пойдёт, — вмешался Гуреев. — Пошли вторую квартиру посмотрим.

— Так она в два раза дороже, — поморщился Виталий.

— Зато двушка.

Они позвонили в дверь, красиво обитую бордовым дерматином. Её открыли две улыбочивые девушки. Они озорно осмотрели мужскую компанию.

— Вы на смотрины?

— Ага, — широко улыбнулся Виталий. — Заодно и квартиру посмотрим, — все дружно и весело засмеялись. — Я Виталий, это Андрей, это Саша, а вас как зовут?

— Юля. Аня. Проходите.

Воспоминание подёрнулось грустной рябью и уплыло в темноту под веками. Калегов вспомнил, кто он, где он, но просыпаться категорически не хотел. Надо постараться вспомнить что-то радостное, хорошее.

В уютном ресторане с большими окнами на старый московский переулок за щедро сервированным столом восседал Гуреев и внимательно изучал меню. Андрей, Виталий, Юля и Аня вошли в зал, нашли взглядами Александра и, переглянувшись, тихо засмеялись. Юлия что-то всем шепнула, друзья кивнули и тихо двинулись к Гурееву. Они выстроились возле столика и, по жесту Юлии, дружно проскандировали: «Здравствуй, Саша!» Тот выронил меню, охнул, вскочил и бросился со всеми обниматься.

— Как я столик организовал? — гордо спросил он, когда они расселись по местам.

— Шикарно! — Виталий плотоядно потёр ладони. — Люблю я вкусно поесть. Саш, а твоя Света надолго задержится?

— Нет, на один тост, — Гуреев принялся разливать вино по бокалам.

— И за что выпьем? — спросила Юля, приподняв бокал.

— За то, Юлечка, что год назад я привёл этих двух оболтусов в некую квартиру на смотрины, и теперь мы ждём две свадьбы, — он поставил бутылку и поднял свой бокал.

— За ваше счастье, друзья!

— Без меня?! — на свободный стул присела Света. — Саша, налей мне, я тоже хочу за счастье выпить.

Все радостно загомонили, раздался звон бокалов.

Гуреев впустил Калегова в квартиру, они по-дружески обнялись.

— Андрей, я тебя год не видел!

— И я!

Они весело рассмеялись и прошли на кухню. Стол был накрыт к обильному завтраку. Андрей восхищённо покачал головой.

— Саша, Светочке низкий поклон за её знаменитые блинчики! — они уселись за стол, гость по-свойски налил себе кофе и приступил к трапезе, а вот Гуреев вдруг помрачнел и раздражённо постукивал по столу пальцами. — Саш, ты чего?

— А ты чего? Почему Горный бросил и из команды ушёл?

Калегов опустил блинчик на тарелку.

— Ну вот, аптит испортил, — он пристально глянул на друга. — Надоело за титулами гоняться.

— А как же пояс чемпиона мира? Подумаешь, засудили тебя в Киеве! Ты что, обиделся?

— Так ведь действительно засудили. Азербайджанец слабее меня, бил реже, а ему победу по очкам присудили.

— Да хоть бы и так, что ж теперь, спорт бросать?

Калегов покачал головой, откусил половину блинчика, зажмурился от удовольствия и хлебнул кофе. Гуреев терпеливо выжидал.

— Саш, поверишь, не обиделся я.

— И всё бросаешь?

— Угу.

— А как же Гарамян?

— Мы с ним вчера полвечера разговаривали.

— И он тебя не послал?

— Я ему всё объяснил.

— Тогда и мне, своему другу, объясни, пожалуйста.

— Перебивать не будешь?

— Не буду, давай излагай.

Андрей задумался, потер подбородок и начал рассказ с риторического вопроса:

— Саша, ну какой из меня геолог.

Да, он получил несколько престижных титулов, стал мастером спорта международного класса по кикбоксингу, деньги на турнирах неплохие заработал, даже квартиру купил. А дальше что, тренером работать? На это талант нужен. И жена ворчит, что неделями не видит мужа, что денег в семье то густо, то пусто. Кстати, это Юля задала вопрос по учебе: «Ты что, и впрямь руду в Сибири искать собираешься?» Предупредила, что она не декабристка и из Москвы не уедет. Вот тогда Андрей ей и брякнул: «А в Германию?» Он ей просто так сказал, а она вцепилась, пришлось рассказать, что его в Германию пригласили в профессиональный клуб Виталия Кличко. Жильё обещали и зарплату хорошую, опять же турнирные деньги в долларах, а не в рублях.

— Короче, Юлька меня убедила, билеты на руках, визы открыты, завтра уезжаем.

Калегов замолчал и взялся за новый блинчик. Гуреев покачал головой, задумчиво

потёр подбородок.

- Андрей, работать в Европе — это не туристом по ней разъезжать.
- А я работы не боюсь.
- Значит, собираешься Европу покорить?
- А почему бы и нет? Посади же я негра на задницу, а какой здоровый был?
- На чемпионате Европы в Амстердаме?
- Угу, — жуя, подтвердил Калегов.
- Ох, Андрей, сомневаюсь я. В Европах и своих, и чужих героев хватает, затопчут.
- Да ладно тебе, там наших ребят полно, поддержат.
- Дай Бог! Может, гульнем на дорожку сегодня? Светка рада будет.
- Прости, друг, не выйдет, прямо от тебя иду собирать чемоданы.
- Теперь понятно: блинчики впрок закидываешь?
- Вкусные, там таких не будет
- Там много другого вкусного. Подсядешь на их пиво и шницели и станешь, как тот негр из Амстердама.

Прошёл год. Гурьев лениво повернулся в кровати, Света сонно толкнула его в бок, мол, не ворочайся. Как же не хочется вставать. Внезапно затренькал телефон, будь он неладен. Александр схватил трубку с базы и, нажав приём, выскользнул из спальни.

- Слушаю, — недовольно отозвался он и зевнул.
- Привет, Саша! Вот решил тебя до зарядки достать.
- Андрюха, ты?! Откуда?
- Из Москвы. Вчера вечером приехали.
- Надолго?
- Навсегда.
- О как! Значит, Европу побоку?
- Да ну их, заднеприводных. Все словно с ума посходили.
- Неужто из-за этого вернулся?
- Да нет, из-за тупизма ситуации. У Виталика контора не зря клубом называется, в ней и команда, и школа, и сетка боёв, а ещё куча менеджеров, юристов. Я думал, в боях буду участвовать, а меня два раза выпустили, а потом приказали бой слить какому-то голландцу. Я послал.
- Давили?
- Нет, это же не кино. Просто из боёв выкинули, перевели на спарринги, помощником тренера поработал. Короче, скучно и противно. Вот досидел до конца контракта и слинял. Даже Юлька Европы наелась.
- И что будешь делать?
- На родину с семьёй съезжу, маму навещу, потом в «Темикс» вернусь.
- Не забыли тебя?
- Помнят, — засмеялся Калегов, — я ещё из Германии звонил, ждуг.
- Это хорошо, когда работа есть. В институте тебе надо восстановиться. Хочешь, с тобой схожу, я там много кого знаю.
- Нет, Саша, в Горный не вернусь, буду искать ВУЗ попроще. Саш, ты как насчет сегодня поприрадовать? Я тебе всё в подробностях распишу.
- На «Чистых прудах»?
- Ага, я столик забронирую.

Калегов лежал на массажном столе и ощущал себя на седьмом небе: он чувствовал правую ногу! Он вновь пошевелил ею, и по нервам опять пронеслась пронзительная боль, но он был счастлив. Андрей зажмурился и что есть сил потянул её на себя, казалось, он делает жим килограммов в сто двадцать и одновременно держит пальцы в розетке. Он застонал и отключился. Когда открыл глаза, увидел над собой Извозова и криво, как смог, улыбнулся ему. Тот положил ладонь на подрагивающую после перенапряжения ногу, чуть прижал.

- Шевелить больно?
  - Да, но хорошо, — почти внятно ответил Калегов.
  - Ты пока лежи спокойно, Наташа тебе сейчас снотворное даст, надо поспать.
- Андрей кивнул и прикрыл глаза. Массажист разблокировал колёса, из-за спины доктора вышла медсестра и точными движениями выкатила каталку из комнаты. Доктор повернулся к массажисту.
- Молодец, Толя, что вызвал.
  - Так мне ж сказали, обширный паралич, а он вдруг ногой дрыгает и морщится.
  - Этот парень не устаёт удивлять. Месяц назад у него все осколки из ног вышли. Сами. Читал об этом, но видел впервые. И вот опять, — доктор выгнул из кармана пачку сигарет, взглянул на неё и опустил обратно. — Пойду я воздухом подышу.

Васильев подошёл и молча сел за стол. Некоторое время он и Калегов вглядывались друг в друга.

— Геннадий Арсеньевич, как же я рад вас видеть!

Васильев улыбнулся и протянул руку. Крепкое рукопожатие.

— Я тоже, Андрей, — подошла официантка. Калегов вопросительно посмотрел на своего бывшего командира. — Мне только кофе.

— Два кофе и порцию блинчиков.

— А как же калории?

— Отработаю.

— Эх, молодость, — вздохнул Васильев, потом нахмурился. — Так что, надумал, Колдун? Помнишь ещё свой позывной?

— Помню. Согласен, конечно.

— Ты говорил, у тебя диплом о высшем образовании имеется?

Калегов кивнул.

— Год назад получил.

— Диплом настоящий?

— Обижаете, Геннадий Арсеньевич, всё по-честному. Четыре года заочно учился в «Университете печати».

— Это хорошо. Завтра ко мне в контору придёшь, пропуск закажу. Напишешь рапорт. Как только он все инстанции пройдёт, получишь прапорщика, через годик отправим тебе на оперативные курсы, окончишь и офицерские погоны наденешь. Но учти, граница для тебя закрывается.

— Невелика потеря, насмотрелся. Геннадий Арсеньевич, так чем же я буду заниматься, может, хоть сейчас расскажите?

— Расскажу. Я в антитеррористическом центре ФСБ работаю, мне помощник нужен, инструктор по специальной и физической подготовке. Будешь со мной по командировкам мотаться, учить бойцов рукопашному бою, зачеты по нормативам принимать. Ну, что застыл, аки памятник?

— Дыханье перехватило. Это что ж, и в «Вымпеле» тоже?

— Везде, где нужно. Наши спецы, как музыканты, должны ежедневно тренироваться, чтобы форму и навыки не терять. Вот мы и будем им помогать.

Сиделка Марина поднесла смартфон к Калегову, послышался взволнованный голос Гуреева:

— Андрей, у тебя всё в порядке?

— Да.

— Я получил СМС, вот перезваниваю и волнуюсь.

— Я... сказать... повернулся.

— Что, не понял?

— Сам, Саша! — Калегов устало откинул голову на подушку и кивнул сиделке. Она заговорила:

— Александр, Андрей хотел сказать, что он сегодня сам повернулся на бок!

Рано утром Васильев и Калегов вышли из поезда на неприметной станции, на площади их дождался военный УАЗик с бравым усатым капитаном возле открытой дверцы.

— Подполковник Васильев, — представился Геннадий Арсеньевич.

— Капитан Тихонов, — лихо козырнул офицер. — Прошу.

Они загрузились в машину. Васильев скоро задремал, а Калегов с интересом смотрел через окна на российскую глубинку. Пока ехали по узкому, но добротному шоссе, Андрей не раз ловил на себе взгляды капитана, но демонстративно не замечал их. Затем машина свернула с шоссе и поехала по укатанной, но извилистой и ямистой грунтовке, и им стало не до перегадов. Скоро въехали в лес, затем неожиданно вырвали на бетонку, на которой чуть ли не через каждый километр висел знак «Въезд запрещён». Резво постукивая по стыкам плит, машина подъехала к КПП. В салон взглянул лейтенант, молча кивнул капитану и махнул рукой. Ворота открылись, машина несколько раз резко вильнула, проезжая короткий лабиринт бетонных блоков между двумя рядами колючей проволоки. Через минуту дорога привела их в небольшой военный городок, явно мало изменившийся с советских времён. Машина пронеслась мимо типичного дома офицеров, столовой, пары магазинов, за ними мелькнули жилые дома. УАЗик резко свернул и подкатил к пятиэтажке, над крыльцом которой висела выцветшая надпись «Гостиница». Капитан вышел из машины, высокий, гибкий, потянулся. Виновато посмотрел на Васильева.

— Извините, товарищ подполковник, засиделся. Какие будут распоряжения?

— Через час здесь, выезд на полигон.

— Есть!

Капитан козырнул и укатил. Васильев взглянул на Калегова.

— А мы с тобой заселяемся, принимаем душ и стремительно завтракаем. Задача ясна?

— Так точно! — вытянулся Андрей, правая рука была занята дорожной сумкой.

Геннадий Арсеньевич улыбнулся, похлопал помощника по плечу.

— Боязно?

— Интересно.

— Не забудь кроссовки с собой взять, вдруг понадобятся.

Позавтракали в уютном гостиничном буфете. Калегов промокнул салфеткой губы и вопросительно посмотрел на шефа, Васильев звякнул пустой чашкой о блюде.

— Андрей, это твой первый инспекторский выезд, потом их много будет, привыкнешь. Имей в виду, ребята здесь в основном из десанта, с гонором, заводные, будут подначивать, игнорируй.

Калегов улыбнулся.

— Геннадий Арсеньевич, вы серьёзно?

— Конечно. Они знают, что ты новичок, проверить захотят.

— Так вот к чему кроссовки? Геннадий Арсеньевич, я проверок не боюсь.

— Вот и хорошо, — вдруг согласился Васильев и посмотрел на часы. — Нам пора.

У начала полосы препятствий на лавочках сидела гурьба гогочущих могучих парней. Нет, они не все выглядели богатырями, но в глазах Андрея от них просто веяло силой и удалством. «Ребята», как называл их Васильев, были разного возраста, от молодых лейтенантов и прапорщиков до капитанов и даже пары майоров.

Васильев, а за ним Калегов с небольшим рюкзаком защитного цвета в руке вышли из машины.

— Ой, — донеслось до Андрея, — прапор оценки нам принёс.

Посмеяться не успели, Васильев зычно и строго приказал построиться. Прощёлся перед строем.

— Значит, так, сегодня короткая полоса препятствий и спарринг без оружия на десерт. Вопросы есть?

— Так точно! — отозвался огромный плечистый старший лейтенант в залихватски надвинутом десантном берете. — Помощника своего нового представьте, пожалуйста.

— Иван! — вмешался подтянутый невысокий майор, но Васильев остановил его жестом.

— Ничего, Сан Саныч, просьба справедливая. Отвечаю на поставленный вопрос: мой новый помощник Калегов Андрей Александрович, в прошлом чемпион Москвы, России и Европы по кикбоксингу, служил срочную в моей роте в 38 ДШБ, завоевал первое место в первом чемпионате по рукопашке в 1991 году. Прошу любить и жаловать.

Притихшие было спецназовцы после последних слов загомонили, кто-то выкрикнул:

— Пусть чемпион покажет, на что способен!

Васильев терпеливо выжидал, потом посмотрел на бойкого старшего лейтенанта.

— Иван, ты спрашивал, тебе показ и принимать.

— Есть принимать! — заулыбался десантник.

— Стиль свободный, но чтоб без травм. Я вас, чертей, знаю.

Зрители стали полукругом, в центре разминал руки и ноги Иван. Когда к нему подошёл Калегов, переобувшийся в сторонке в кроссовки, оказалось, что он тоньше и ниже на голову. Сан Саныч протянул поединщикам пару специальных перчаток с открытыми пальцами. Они натянули и встали в стойки. «Бой!» — коротко скомандовал Васильев.

Десантник не стал особо церемониться, пошёл сразу вперёд. Он провёл серию нехитрых ударов руками и завершил атаку боковым выпадом правой ногой. Не прокатило, Андрей легко уходил, ставил блоки и ответил своей серией ударов. Было видно, что оба бьют вполсилы. Зрители завелись, они привыкли к жёстким спаррингам. Кто-то крикнул: «Хватит танцев, Иван, наддай!» Призыв подстегнул десантника, он распалился, бить стал резко и мощно. Зрители начали скандировать: «Убей, убей!» Громила перед Калеговым больше не игрался, и попасть под его молот было бы не просто фиаско, а опасно для здоровья, надо было перехватывать инициативу. Андрей пригнулся, сблизился и пробил серию стремительных ударов по корпусу, Иван на мгновение затормозился, но тут же опять ринулся вперёд. Зрители взорвались рёвом восторга.

Андрей понял, пробить этого бугая с бронёй мышц на животе невозможно, ещё ма-

лое время, и он задавит напором и мощью тренированного тела. Краем глаза Андрей заметил, что Васильев наблюдает за ними с совершенным спокойствием, прекрасно понимая рисунок боя и его стадии. Значит, все запреты сняты.

Калегов перестал активно атаковать, старательно маневрировал и уклонялся от ударов противника, вызывавших бурю зрительских восторгов. Старший лейтенант окончательно завёлся и пошёл на него неотвратимо, как танк. Именно этого Андрей и добивался. Выждав момент, он отбил блоком очередной выпад ноги, но теперь не отскочил в сторону, как прежде, а шагнул вперёд, прямо под руки десантника. Обманное движение — и молниеносный удар в подбородок. Иван замер, его глаза округлились, и он бухнулся на задницу. Повисла тишина, десантник, сидя, помотал головой и вдруг улыбнулся и громко сказал: «Вот это наддал!» Андрей протянул ему руку, тот ухватился, встал и добавил: «Точно, чемпион». Десятки мужских глоток взорвались восторгом.

Калегов дёрнулся и открыл глаза. Он понял, что проснулся, но в душе до сих пор разливалось ощущение боя и послушного тела. В палате было темно. Сиделка на соседней кровати рядом тихо посапывала носом. Рано. Он опустил веки и тут вдруг понял, что его левая нога дёрнулась и он это почувствовал! Он пошевелил ею. Точно! Он ощутил, как пальцы едва заметно потёрлись об одеяло. Ещё! Однако боль так прострелила в позвоночник, что он негромко застонал.

Включился ночник, сиделка приподнялась, стала тревожно всматриваться в него. Калегов сделал вид, что спит. И не заметил, как вновь уснул.

За окном мелькнул очередной полустанок, дорога с вереницей машин перед шлагбаумом. Васильев потянулся.

— Скоро Москва, — он внимательно посмотрел на своего мрачного помощника. — Ты что смурной такой?

— Товарищ подполковник, вы же знаете.

— Опять?! Ты что, не понимаешь, что у каждого свои обязанности. Ты делаешь важное дело, ребята тебя уважают. Знаешь, как они тебя за глаза называют?

— Знаю, чемпионом. Геннадий Арсеньевич, но это уже звучит смешно, а скоро будет звучать как насмешка.

— Калегов, что за бред?

— Мне перед ребятами стыдно, — продолжил Андрей, не обратив внимания на реплику Васильева, — я же пороха не нюхал. Подумаешь, рукопашная, когда она им пригодится? Они ж с боевой работы не вылезают, а тут я, с проверочками. Если я и чемпион, то не для них. Геннадий Арсеньевич, отпустите меня на боевую.

— Хм, а как же оперативные курсы, офицерское звание?

— Через год пройду, после боевой работы. Захотите, опять к вам вернусь.

— Ага, как же, буду я тебя дожидаться!

— Геннадий Арсеньевич, — тихо и упрямо сказал Калегов, — я не хочу, чтобы меня чемпионом называли, хочу, чтобы вспомнили мой позывной «Колдун».

— Вот же репей! — покачал головой Васильев. — Не могу я тебя отпустить, мил друг. Ты будешь за террористами гоняться, а нашу работу кто будет делать, Пушкин?

— Ну, Геннадий Арсеньевич!

— Ладно, замену себе подбери, отпущу.

— Я найду! — просиял Калегов.

— Но чтоб мне понравился и все проверки инстанций прошёл.

— Найду!

За окном показались пригороды Москвы. Васильев зевнул.

— Завтра у нас с тобой выходной, отчёты потом напишем. Супруге привет.

— Спасибо, передам.

Палатка в горах, жутко холодно, Калегова трясёт, невозможно согреться, костёр жечь нельзя. В палатку быстро втискивается подполковник, запахивает за собой полог. Его включили в группу перед самым выходом, не объясняя, зачем и почему, но в спецназе задавать вопросы было не принято.

Подполковник уселся рядом, заметил, как мёрзнет новичок.

— Операция первая?

— Угу.

— Носки шерстяные есть?

— Не взял.

— На, держи, — подполковник вытащил из рюкзака носки из толстой шерстяной нитки.

Калегов отпрянул.

— А как же вы?

— У меня ещё есть, я запасливый. Советую: всегда клади в рюкзак лишнюю пару шерстяных носков, а лучше две.

— Спасибо, — смутился Андрей, принимая в руки колкий дар.

Он быстро разулся и натянул на озябшие ноги носки, приятное тепло потянуло от ступней вверх. Подполковник достал спиртовку, поставил кружку с водой.

— Сейчас я тебя окончательно согрею.

Через пять минут Калегов пил дымящийся густой сладкий чай и щурился от наслаждения.

Андрей только что вернулся из охранения, теперь можно будет поспать. Подполковник ему приветливо улыбнулся.

— Ты ложись, а я умываться.

Офицер вышел, Калегов только теперь ощутил, как устал организм от холода, от вынужденной бессонницы. Непослушные пуговицы куртки сопротивлялись озябшим пальцам, Андрей уже был готов сдаться и завалиться спать, как есть, но тут вдруг рядом раздался оглушительный взрыв. Калегов мгновенно схватил автомат и, выпрыгнув из палатки, перекатился в сторону от места своего приземления, замер, напряжённо вглядываясь в заснеженные заросли. Их полянку и лес вокруг вновь накрыла тишина, даже студёный ветер стих. Рация хрюкнула и хрипло выдала: «Отбой тревоги».

Андрей растерялся, не зная, что ему делать, и тут увидел, как по тропинке из леса на плащ-накидке выносят окровавленного подполковника. Андрей метнулся в палатку за аптечкой.

Бойцы плотно перевязали раненому ноги и живот, но сквозь повязки медленно наливались красные пятна.

— Врача надо, — горько посетовал Калегов. У него не укладывалось в голове: всего полчаса назад подполковник улыбался ему, а теперь бледный и недвижимый лежит перед ними.

— Я вызвал вертушку, — безлико и ровно заговорил старший группы, пряча отчаянное внутреннее волнение. — Подполковника надо спускать к этой точке, — он ткнул карандашом в карту. — Колдун, Акула, несёте раненого, мы с Медведем остаёмся, задание никто не отменял. Сдадите подполковника и обратно.

— Понятно, командир, — кивнул Акула.

Он и Калегов потянулись к плащ-накидке, как вдруг офицер открыл глаза, чуть приподнялся, рывком схватил Андрея за ворот и заговорил неожиданно громко и отчётливо:

— Держитесь друг друга ребята, помогайте...

Пальцы его ослабли, он поник, глаза мёртво устремились в небо. Акула потрогал пульс на шее, медленно выпрямился и стянул с головы шапку.

— Как такое могло случиться? — тихо спросил Андрей.

— Мина, считай, на нашей тропинке рванула, — отозвался Акула и надел шапку.

Калегов недоумённо посмотрел на него.

— Как так, мы же там все ходили?!

— С прошлого года, наверное, стоит, — хмуро пояснил Медведь. — Зимой подмёрзла, а теперь оттаяла, весна.

— Несите, — перебил разговоры старший, — а я врача отзову.

Потом был короткий бой с десятком бандитов, идущих по тропинке. Выстрелы, крики, следом тишина и робкие трели умолкнувших прежде птиц. Но это в памяти сохранилось смутным мазком.

Лёжа без движения, Калегов перебирал свои воспоминания, как книги на полке. Вот эту помнит с детства, а эту прочитал и забыл, а у этой даже названия нет и листы белые. Почему так? Некоторые воспоминания были столь яркими, что буквально окутывали его прошлыми эмоциями, будоражили, лишали сна, а другие блёкло поблёскивали из прошлого, в том числе, спорт и победы на ринге, чемпионские титулы. На фоне боевого мужского братства и реального противостояния с врагами они казалось малозначительным, но они были в его жизни, и Андрей был рад их помнить. Он ни разу не пожалел о прожитом. «Герои не плачут», — шептал он забытую фразу мамы из своего детства.

Калегов теперь часто вспоминал доброго подполковника. Его, казалось бы, глупая и бессмысленная гибель, по прошествии многих лет, всё более выглядела подвигом, жертвой ради священного величия сказанных им последних слов. Видимо, иногда сокровенный смысл человеческой жизни сводится к вот такой яркой короткой вспышке. Жизнь угасла, а искра от вспышки зажгла сердца ратных братьев, и значит, ты полностью не умер. И ещё он думал, что раз он ещё жив, то должен совершить невозможное и вернуться.

После первой боевой операции последовали сотни других в самых разных уголках России, но чаще на Кавказе. В Дагестане Калегов получил особую специализацию: «щитовик». Несколько боевиков засели в жилом доме, пришла команда: ликвидировать с минимальным ущербом для села. Из машины принесли броневой щит почти в рост человека с ярко-красным кругом в центре и окошком с толстым стеклом на уровне глаз. Весил он 36 килограммов и подвешивался на плечи «щитовика» с помощью сбруи.

Андрей застегнул ремни, приподнял щит, нормально, вполне по силам. Он вышел на позицию, высунув сбоку от щита пистолет-пулемёт, за ним, затылок в затылок, построились пять бойцов. Так они и двинулись, боевики открыли огонь из автоматов. Пули, цокая, ударялись в щит и отскакивали, не в силах остановить продвижение спецназовцев. Приказ был выполнен без потерь.

Нести щит доверяли самым сильным и хладнокровным. Калегов гордился, что именно ему поручили это опасное дело.

Через год Калегова отправили на оперативные курсы ФСБ. Спецдисциплины он изучал, как все слушатели, а по практической тактико-специальной подготовке неожиданно для себя оказался в роли преподавателя. Сначала его попросили рассказать о реальных операциях, он и рассказал. Потом ещё раз и ещё. Его заваливали вопросами и курсанты, и преподаватели, и он, как мог, отвечал, стремясь дать коллегам то, что ещё пока не написано в учебниках. Незаметно его рассказы переросли в регулярные лекции. Он договорился с руководством и несколько раз приносил для просмотра служебные фильмы, сделанные во время боевых операций. В них иногда получали ранения и гибли не только враги, но и спецназовцы. Специально кровь и трупы не снимали, но и не ретушировали, как в репортажах на ТВ, поэтому аудитория при просмотре таких видеозаписей так затихала, что, казалось, переставала дышать.

После окончания курсов Калегову присвоили звание лейтенанта. 30 июля 2006 года, он помнил эту дату.

В 2008 году его опять отозвали с боевой работы, назначили инспектором боевого отдела по рукопашной и тактико-специальной подготовке центра специального назначения ФСБ РФ. Он поначалу наотрез отказался, но начальство позволило ему систематически выезжать «в поле»: самому планировать и проводить спецоперации. Три года он был на этой должности, потом вновь вернулся к чисто боевой работе.

Первое ранение в 2016-м Калегов предчувствовал. Они потом с Сашей Гуреевым много говорили об этом. Группу Калегова направили в небольшое село под Хасавьюртом. Предчувствие возникло мгновенным озарением при посадке в спецмашину, Андрей даже оступился, а через секунду уже сидел в кресле и не помнил его. Оно на время растворилось, не оставив после себя ни страха, ни желания что-то изменить.

На постановке задач по перехвату отряда боевиков направление Калегова назвали маловероятным, так как маршрут банды предполагался по другому ущелью. Однако Андрей, прибыв на место, с привычной тщательностью отработал боевой алгоритм. Два бойца отправились вверх по тропе в качестве дозорных, а с остальными тремя он распределился вокруг выхода горной тропы из леса. Ни о каком предчувствии Калегов тогда не думал, но когда первый дозорный доложил по рации о двух десятках бандитов, идущих по тропе, вспомнил. Он дал команду пропустить бандитов внутрь импровизированного мешка, а дозорным скрытно подтягиваться следом. Одного из бойцов с позывным «Тугарин» послал к разрушенному дому, стоящему в семистах метрах от места засады: «Будешь наблюдать и огнём поддерживать».

Задача была проста: неожиданным общим огнём положить максимум бандитов. Так всё и вышло, большая часть террористов полегла сразу, но пятеро уцелели и засели в канаве у тропы. Сначала они панически палили во все стороны, потом пытались рвануть обратно, но дозорный с тыла уложил одного, и остальные опять залегли, стреляя во все стороны.

— Четверо их осталось, — хрипло сообщал по рации Тугарин, прижимая к глазам бинокль. — Один оружие и боеприпасы собирает, двое трупы друг на друга укладывают, четвёртый на стрёме. Эх, Колдун, мне бы СВДешку сюда!

— Лучше миномёт, — проворчал в ответ Андрей. — Оставайся там, наблюдай, жди команду.

Бандиты, между тем, прикрылись мёртвыми телами своих товарищей и вновь принялись палить во все стороны. Спецназовцы изредка постреливали со всех сторон, давая понять, что всё под контролем и уйти не удастся. Калегов приказал отставить стрельбу и громко предложил бандитам сдаться. Те истерически что-то закричали и принялись опять выпускать из АКМов рожок за рожком.

— Что у них там, склад что ли? — проворчал Калегов. — И как этих придурков

живьём брать?

Словно услышав его, кто-то из бандитов с жутким акцентом заорал:

— Сюда, шайтан, ходи, пуля и граната много!

Прошёл час, близились сумерки. Калегов хмуро размышлял: ещё полчаса и стемнеет. Он снял и отложил в сторону каску, поправил гранаты на поясе и дал по радиации команду: «Я Колдун, иду один, вы прикрываете. Бандитов кончать. На счёт три!»

Андрей рывком поднялся и короткими перебежками рванул в сторону террористов. За счёт неожиданности выиграл несколько секунд. Бандиты открыли бешеный огонь в его сторону, в ответ пошли короткие очереди спецназовцев, заставляя их прятаться. Калегову нужен был последний рывок, и затем он сможет достать их гранатами. «Пора!» — скомандовал он сам себе и бросился по прямой, потом сразу влево, тут же вправо и опять влево. Как заяц. Около ног вздыбились фонтанчики от пуль, Андрей залёг в еле заметную ложбинку. Сердце бешено билось, но он был жив и не ранен. Одну за другой он бросил три гранаты, их взрывы почти слились. И всё стихло.

— Командир, тихо вроде, — хрипнула рация, — мы идём?

— Нет, ждать! Я сам проверю!

Внутри него шевельнулось мистическое: «Я пока не ранен, значит...»

Он не додумал, просто осторожно поднялся и, пригнувшись, шагнул вперёд. И в этот момент из-за бруствера мёртвых тел вскочил окровавленный бандит. Он был серьёзно ранен, голова и лицо в крови, наверное, он плохо видел и был в шоке, потому что дико заорал и пустил длинную очередь. Шальная пуля ударила Калегова в голову, но он не опрокинулся, устоял и выстрелил в ответ, бандит упал, возможно, и не от его пули, но дело было сделано.

Подбежали ребята, принялись перевязывать. Калегов приказал Гермесу убедиться, что живых бандитов не осталось. Тот кивнул и исчез, скоро прозвучали два выстрела. Потом лицо боевого товарища вновь склонилось над командиром.

— Что там? — пересиливая наплывающую слабость, спросил Андрей.

— Один вроде дёрнулся.

— Хорошо. Женья, — обратился к Тугарину Калегов, — ты за старшего, вызывай следаков, мне санитарку, трупам перевозку.

— Вызвали уже.

— Ещё раз проверь местность, пока ещё светло. В радиусе, — Калегов поморщился от боли, — двухсот метров.

— Что искать, Колдун?

— Рюкзак или сумку. Там много долларов и какие-то важные бумаги. Они должны были быть при этой группе.

Калегов потерял сознание и лишь много позднее узнал, что рюкзак с деньгами и списками платёжных ведомостей нашли в кустах у леса. Если бы не искали, могли и не заметить.

За эту операцию капитану Калегову вручили первый Орден Мужества. Чуть позже ему присвоили воинское звание майор.

Через три месяца Андрей вернулся на службу, но на боевую работу его не пустили, назначили на подполковничью кабинетную должность. Друзья Андрею хором говорили: остепенись, повоевал своё, а он: «Хочу воевать!» В конце концов, он поссорился с начальством, но добился перевода в боевую группу, хотя и с понижением, на капитанскую должность.

Через некоторое время группу Калегова направили в Сирию, под Хому. Там они отвоевали почти три месяца. Если сверху не поступали задания, основанные на агентурных или разведывательных данных, они занимались «свободной охотой» по тылам игольцев. В любом случае, все операции, маршруты движения, способы и сроки проведения они разрабатывали самостоятельно. И вполне успешно. Каждые три дня — новая операция, и днём, и ночью. Налетали, ликвидировали и исчезали. Весело было.

Но однажды им навязали местного переводчика-проводника, и он их предал.

За три месяца слух о неуловимых «русских шайтанах» разросся до масштаба фобии: рядовые игольцы стали бояться дежурить на удалённых опорных пунктах. Вот руководители местных банд и приняли решение заманить спецназовцев в засаду. Ради этого не пожалели пожертвовать своим многолетним информатором.

Калегов навсегда запомнил этот день: вечер 4 декабря 2017-го. Его группа скрытно заняла позицию за невысоким песчаным барханом. Акула вверху вёл наблюдение за блокпостом боевиков, Аргун и Гермес заученными движениями монтировали 82-мм миномёт «Галл», рядом лежали уже готовые к применению пять выстрелов. Он и Тугарин сверялись с картой. Справа от них неожиданно донёсся тихий рецитатив молитвы на арабском, все оглянулись на Фарука. Он глядел на них стеклянными глазами и дер-

жал в руке включённый смартфон. Это было открытое предательство, на операции все посторонние средства связи строго запрещены. «Фарук, не смей!» — заорал Тугарин. Проводник вздрогнул и вжал голову в плечи. Пуля из глушака Акулы с тихим звоном прошла смартфон и воткнулась в грудь Фарука, тот вздрогнул и уронил голову в песок. И сразу же донёсся стремительно приближающийся мерзкий свист. Взрыв.

— Колдун ранен! — крикнул сверху Акула и скатился вниз. — Женька, у тебя тоже кровь!

— Пустяки, всё Колдуну досталось! — Тугарин вскочил. — Гермес, ставь под мины подарок. Аргун и Акула, тащите командира к машине. Уходим, быстро!

С тех пор Калегов борется с последствиями ранения. Шесть лет, наполненных воспоминаниями, беспомощностью, отчаянием и надеждой, ибо он не валялся на койке, оплакивая сам себя. Каждый раз, закрывая глаза, он словно ошупывал своё тело, ища с ним контакт и понимание, звал непослушные нервные клетки к послушанию. Надо было иметь героическое терпение, чтобы день за днём, месяц за месяцем вести изнуряющую внутреннюю работу и не утонуть в сомнениях в собственной адекватности и в комплексах самообмана. Непонятно, эти ли усилия сыграли свою роль или природные силы, но организм откликнулся. Через два года после второго ранения он начал произносить слова, через три — строить из слов короткие предложения. Теперь Калегов мог говорить долго и внятно, и его улыбка всё менее походила на гримасу. Почти каждый день его подвешивали на ходунки, и он через силу и боль двигал ногами, вспоминая, что значит ходить.

В сентябре 2022 года по путёвке, выхлопотанной друзьями, Андрей отдыхал месяц в военном санатории в Саках. По его просьбе сиделка Марина выкатывала его на коляске на пирс, и он долго всматривался в морской горизонт. Однажды Марина спросила, что он там высматривает, и он ответил, что мысленно плывёт к горизонту.

Генерал Романов приехал навестить Калегова в санаторий незадолго до возвращения того в Москву. Они пожали друг другу руки.

— Здравствуй, Андрей. Я генерал-майор Романов...

— Здравия желаю, товарищ....

— Можно просто Юрий Иванович, — Калегов кивнул, генерал улыбнулся и продолжил: — Мне давно доложили, что ты приехал на лечение, вот выбрал, наконец, время, заехал познакомиться и поговорить. Мы с тобой, так сказать, коллеги.

— Понятно, — кивнул Калегов.

Сиделка налила им кофе и мудро удалилась. Генерал проводил её глазами.

— Как себя чувствуешь?

— Я живу, — очень серьёзно сказал Калегов и многозначительно замолчал.

— Андрей, ты в «Вымпеле» легенда.

Андрей продолжал молчать. Он просто не знал, что на это ответить, а Романов с внутренним изумлением разглядывал этого невероятного парня, подбирая слова для начала разговора.

— Награды есть?

— Есть, — Андрей оживился. — Два Ордена Мужества, знак «За храбрость», медали... — он запнулся, припоминая: — «За верность долгу», две «За отвагу», «За возвращение Крыма» и «Участнику военной операции в Сирии».

— Солидно. «Мужиков» за что получил?

— Первый за Дагестан, второй за Сирию. Только я его ещё не получил. Ребята скажи, повесят на грудь, когда вернусь.

— Я слышал, тебя и на Героя представляли?

— Было дело, — Калегов улыбнулся и махнул рукой. — Ещё один повод вернуться.

— Что скажешь про армию сирийцев?

— Без хорошего пастуха — стадо баранов.

— А про СВО что скажешь?

— Тяжело будет. Украинцы те же русские, упёртые.

— Одолеем?

— Конечно! У них родовую память отняли, а у нас она есть.

— Хорошо сказал, — вздохнул Романов и глянул на часы.

— Когда меня второй раз ранили, — тихо сказал Калегов, — один осколок в часы прилетел. Жалко, дорогие были часы.

Генерал посмотрел на него и улыбнулся.

— Я бы тебе эти часы подарил, но они дарёные.

— Я не к тому, — испугался Калегов, — просто вспомнилось.

Романов встал.

— Андрей, я тебе другой подарок сделаю, предложу тебе работу.

— Мне?!

— Не сейчас, конечно. Ты, главное, не сдавайся. Вот тебе мои телефоны, — генерал положил на столик визитку, — звони в любое время. Как только врачи позволят, я тебя сюда в Крым возьму. Будешь участвовать в планировании новых операций и анализировать завершённые. Нам настоящий эксперт нужен, а не теоретик. Стучать по клавиатуре научишься?

— Теперь — да.

Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями.

Александр нежно смотрел на своего друга, того только что привезли с процедур. Калегов устало, но довольно улыбался, его правая рука под лёгким покрывалом мелко подрагивала. Сиделка сердито взглянула на Гуреева.

— Саша, ваш друг себя в могилу загонит!

— Это почему же?

— Еле с ходунков стащили, ходит и ходит! Пот градом течёт, дышит, как загнанный конь, а всё идёт и идёт!

— Андрей, ты почему Татьяну не слушаешься?

— Я больше не буду.

— Так я и поверила. Уф, пора перекурить.

Сиделка вышла, Александр похлопал Калегова по руке.

— Андрей, ты силы свои рассчитывай.

— А я и рассчитываю. Я по спорту знаю, успех приходит через пот и терпение. Не могу я здесь задерживаться, я обязан встать и вернуться, меня ребята ждут. У нас боевое братство, ребята надёжные.

Гуреев удивлённо покачал головой.

— Ты это и врачам говоришь?

— Говорю.

— А они что?

— Они улыбаются.

— И не отговаривают?

— Уже нет. Мне вот только похудеть надо, а то набрал лишние 15 кило.

— Андрей, а ты уверен, что получится?

— Уверен, — Калегов подался вперёд. — Саш, я раньше мычал, теперь говорю, лежал бревном, а теперь ходить учусь. И научусь. Левая рука вот только пока не поддаётся, — Андрей усмехнулся, — живёт своей жизнью, кулаки иногда мне показывает.

Вошла сиделка.

— Саша, я в курилке доктора Извозова встретила, хотите поговорить?

— Конечно.

Гуреев с чувством пожал руку доктору.

— Сергей Борисович, не передать, как рад вас видеть.

— Взаимно. Как там наш подопечный?

— В бой рвётся. Вы знаете, я после второго ранения верил, что Андрей выживет, но что он на ноги сможет подняться, никогда не верил. А сегодня его повидал, поговорил и вдруг поверил.

Извозов задумчиво пустил струйку дыма.

— Никто не верил. Твой друг на наших глазах совершает невозможное, чудо, растянутое во времени на шесть лет. Потому мы и не видим, — доктор сморщился, затушил и выбросил сигарету. — А я вот бросить эту гадость никак не могу.

— Сергей Борисович, бросайте прямо сейчас.

— Хм, а что? «Тварь ли я дрожащая или право имею»... Саша, будешь свидетелем?

Гуреев кивнул, они пожали друг другу руки. Извозов вытащил из кармана почти полную пачку сигарет, взвесил её на руке и положил на скамейку. Сверху водрузил зажигалку. Посмотрел на Гуреева и улыбнулся.

— Пойдём, Александр, героя твоего навестим.

— Он мой друг.

— Я знаю.